

Анатомия Русских

ВА ОЖИВ

Аркадий Русинков

ЗА ОКНОМ

Рассказы
и повесть

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

Художник
ГЕННАДИЙ АЛИМОВ

Рубинов А.

Р82 За окном. Рассказы, повесть. — М.: Советский писатель, 1986. — 272 с.

Рассказы и повесть А. Рубинова затрагивают серьезные морально-этические проблемы. Писатель сквозь повседневное видит социальный смысл человеческих взаимоотношений. Рассказы не только пробуждают «чувства добрые», но и призывают людей совершенствовать свой духовный, нравственный мир.

Р $\frac{4702010200-176}{083(02)-86}$ 128—86

ББК 84. Р 7

ОСТРОВ МАРКИЗ

Когда Волга была маленькой, остров Маркиз был большим. Теперь трудно представить себе, что здесь, среди голого, перекатного песка, стоял когда-то окруженный зеленью шумный ресторан. Его посещали только веселые люди — не ради обеда, не ради питья. Приезжали на лодках для гульбы затяжной, с разговорами, музыкой, драками.

Кроме ресторана было еще десять домов, с огородами и сараями. Коровы паслись по острову Маркиз без пастуха. Некуда было им уйти — кругом вода. Самые смелые подходили к окнам ресторана, по-собачьи задрав тяжелую голову, ждали, когда бросят хлеба. Стоило кому-то из гуляющих швырнуть корку, как из многих окон начинали метать со столов деликатно нарезанные официантом ломти. Коровы не суетились, уважительно, солидно подбирали хлеб. Иногда в них больно запускали тяжелой солонкой или перечницей. Коровы прятали обиду — не спеша отходили, оскорбленные, и принимались снова за траву.

По расчетам гидростроителей, большая Волга должна была остров Маркиз слизать. Их предвидение оправдалось почти до конца: над полой водой уцелел только один дом. Когда новая электростанция где-то далеко внизу начинала к лету глотать воду все жаднее, домик из потрескавшихся седых бревен вытягивался кверху. Оголялся, подсыхал песок, островок подрастал, отгоняя от себя воду.

Яков Иванович Киселев воспользовался мелкой неточностью гидростроителей. Перевез в город уже взрослых детей — всем бывшим жителям Маркиза дали квартиры, а сам с женой остался в своем старом доме на острове, который считался затопленным.

Оголая на лето сушу, Волга смыла с острова траву и землю. Рухнули в воду, уплыли деревья. Но зато, став большой, Волга дала рыбу — раньше ее не водилось здесь столько. Стал ловиться сазан, стала клевать даже надменная стерлядь, низкая, длинная, в нарядном угловатом панцире.

Сазан и стерлядь стали теперь всей радостью и всеми огорчениями старика и старухи. Яков Иванович с ведерком рыбы отправлялся на лодке раненько утром в город. Легко продав улов, покупал хлеба, крупы, сахару. Иногда — твердых конфет, к которым прилипает цветная бумажка. Одна только рыба могла прокормить стариков, но они, воюя с песком, возились и в огороде. Стал он хилым — песок родил плохо, да еще и губил: не будь огород обнесен досками со всех сторон, в сухую погоду его занесло бы совсем. То и дело приходилось разгребать свежий песчаный холмик с той стороны, откуда дул ветер. Но зато всегда были редиска и укроп, росли помидоры и огурцы.

Яков Иванович давно завел себе удочки, держал их на биду, брал с собой в лодку, а ловил на охан. Так называли здесь одинаковую на всех больших реках браконьерскую снасть: на проволочном просторном ромбе насажена сеть-сачок, вытаскивают ее из воды самодельным блоком. В охане, из которого выбрасывалась со всех сторон вода, всякий раз оказывалась суматошная рыба. Она упруго хлесталась, выскальзывала из рук, когда Яков Иванович, волнуясь, выбирал ее в ведро.

Это был самый радостный, но и самый опасный момент. Мог выскочить катер инспектора. Хорошо, когда охан полоскался где-то внизу — можно даже опустить его на дно, а потом выловить крючком. Горластый инспектор норовил внезапно оказаться за спиной в тот миг, когда Яков Иванович сам влезал в сачок, добираясь до ошалело жмущегося к сети сазана.

— Чем же это вы занимаетесь, гражданин Киселев? — орал на всю реку инспектор, пугая словом «гражданин».

Честно говоря, Яков Иванович не очень боялся инспектора. Хотя и прятался от него, страха особого не испытывал, но всем своим видом старался выказать испуг и покорность. Знал, что тому это нравилось и входило в его планы. Всякий раз повторялось одно и

то же, всякий раз участники разыгрывали одну и ту же сцену, смеялись одному и тому же — и все только потому, что на Маркиз приезжал с инспектором кто-нибудь из новичков. Собственно говоря, ради новичка инспектор и приезжал на Маркиз.

Пойманный с поличным, щупловатый, в зимней шапке и летом, Яков Иванович бросал снасть, вставал на качающейся лодке «во фронт», как его учили, наверное, когда-то в старину, и говорил с готовностью:

— Виноват, товарищ начальник, виноват.

Только запомнил старик не всю солдатскую науку: держал руки по швам, преданно прижимая руки к телу, но кисти оттопыривал, двигал пальцами.

— Что ж, Робинзон, опять попался?

— Попался, товарищ начальник, попался.

Слыша имя «Робинзон», старик успокаивался совсем, хотя виду не подавал, и окончательно был теперь уверен, что представление пойдет по прежней, неопасной программе.

Значит, приехал к начальству гость, — старику не терпелось узнать откуда — из области или из самой Москвы, — гостя решили прокатить с ветерком по Волге на катере, угостить настоящей ухой. Так оно и оказалось.

— Как рыбка ловится, Робинзон?

— Неважно, товарищ начальник. Плохо нынче рыбка ловится.

Перегнувшись, инспектор заглянул сверху в ведро.

— Что ж это: говоришь, неважно, а сазана, сазана сколько накидал!

— Сазанчик есть, товарищ начальник, — каялся Яков Иванович. — Есть.

— А уха будет? — перешел к делу инспектор.

— Чего ж нет? Почему не быть — будет.

Зацепив лодку, катер лихо мчал ее к берегу, где в который раз игралось второе действие. То была современная пьеса, где несколько событий происходит на сцене одновременно.

В одном углу — у занесенной песком ржавой печки (накануне был ветреный день, и песок гладко перестлался по-новому) орудовал Яков Иванович. Достав перочинный нож с длинным лезвием, он вспарывал рыбу. У ног его терпеливо ждали рыбьих внутренностей: кошки, гладкие, гибкие, матово-светлые. Досыта

кормленные нежной пищей, кошки острова Маркиз были хоть и пугливы, но грациозны. Из сизого низкого домика вышла старуха, не поднимая глаз на гостей, поклонилась им, принесла растопки.

Тем временем гости, медленно ступая, совершали экскурсию. Инспектор показывал огород, заключенный словно бы в огромный ящик — сплошные стены из плотно пригнанных досок. С подветренной стороны песок все равно перевалил через верх и высоко засыпал прозрачно-зеленые стебли.

— Смотрите, помидоры! — удивился гость. Он выглядел смущенным. Ему было все-таки совестно, что вот инспектор рыбного надзора будет угощать его ухой из браконьерской рыбы, а испуганный старик с преувеличенной бодростью суетится у плиты, откупаясь от начальства ухой.

Вот опять, не глядя на приехавших, прошла к огню старуха в низко повязанном платке. Оказалось, что она, скрываясь в доме, тоже работала на ублажение гостя: чистила картошку — принесла чугунок с желтыми картофелинами.

— Дядя Яш, — обратился инспектор уже без всякого подвоха, перестав называть его Робинзоном, — а ты как картошку кладешь — вперед или потом?

— Нет, вперед картошку, картошку всегда вперед, а потом рыбу. И мешать ни в коем разе нельзя, — Яков Иванович похвально уменил готовить рыбацкую уху.

Потом они втроем сидели за врытым в песок столом. Инспектор вынул припасенную бутылку. Снова вышла из домика, неслышно ступая, глядящая вниз старуха — принесла нарезанный хлеб. Старик ловко вынул из чугуна неразвалившуюся рыбу, явно гордясь, что, став мягкими, куски не распались. Ухи в миску налил сначала гостю, с почтением подвинул ложку, стараясь касаться ее как можно меньше, чтобы тот не брезговал. Потом придвинул угощение инспектору. Тот был весел и незлобно подтрунивал над хозяином.

— Дядь Яш, а рассказать, почему тебя Робинзоном прозвали?

Старик усмехнулся — дескать, пожалуйста. Он обходил стол, разливая водку по стаканам. Их можно было наполнить и с места, но так, наверное, выглядело

почтительней — кружить с бутылкой, заходя с плеча.

После первого стакана инспектор крикнул, закрыл рот и на миг зажмурил горько-сладко глаза. Потчужа гостя сазаном, сам не закусывал:

— Нет, я рыбы не ем. Надоела. Мне мясо нравится. Так рассказать, дядя Яш?

За столом инспектор выглядел величественно — в тяжелой казенной фуражке, в форменной кремовой рубашке и черном, истертом по краям до белой подкладки галстуке, пристегивающемся, навсегда повязанном. Когда инспектор поднимался с места, вся суровость, пропадала, оттого что становились видны латанные брюки — от старого домашнего костюма, никогда не глаженные. Опрокидывая одной рукой стакан, инспектор другой придерживал фуражку — на острове, хоть и за столом, он оставался на посту и не мог снять головной убор.

Пока инспектор рассказывал, Яков Иванович внимательно глядел на него, слушал с удовольствием. О фельетоне в местной газете, который назывался «Робинзон с острова Маркиз», о том, как высмеивал автор дядю Яшу за то, что тот живет на острове, которого нет, ни за что не платит — за землю, которая не числится, за дом, который списан. Живет без света, разводит кур, пасет упитанных кошек.

— Где же куры? Что ж я их не видел? — спросил чуть захмелевший гость.

— Кушайте, кушайте, — настаивал Яков Иванович. — Сначала юшку надо, потом сазанчика — видите, целенький уварился. Куры? Да они у меня тоже ученые — не кудахчут при инспекторе. Куры у меня на сараюшке.

Он показал в сторону пристройки на сваях:

— Чтоб не затопило. Вода иногда высоко подходит; а вниз — поклевать, поразмяться — куры по лестнице сходят.

Якову Ивановичу газету с фельетоном привез из города инспектор. Специально за этим приплывал. Старик прочитал вслух старухе, та слушала и ничего не поняла:

— Это про ковой-то пишут?

Пришлось читать снова, объяснять: остров Маркиз — это, дескать, где мы живем...

— А Робинзон — это кто?

— Да я ж!

— А чего тогда Робинзон?

Когда старуха все наконец поняла, сказала умиротворенно:

— Складно прописано. Почитай еще чего-нибудь.

Мужчины рассмеялись, за столом теперь установилось полное равенство. Яков Иванович не суетился, охотно пил и ел, слушал начальство без подчеркнутого почтения. Довольный инспектор глядел на Якова Ивановича одобрительно. Он гордился занятостью старика, радовался, что привел катер на остров Маркиз не зря, что может похвастаться чем-то перед бывалым столичным гостем. Так держится отец, когда малый сын берет баян и первый раз нескладно играет на людях частушки: «Эх, Семеновна». Гость же радовался необычности обстановки, безлюдному острову без тени, его удаленности от всего мира. Горожанин, он глубоко втягивал в себя непривычно тягучий, влажный и чистый речной воздух.

Опять появилась старуха. Она молча подошла к столу, одной рукой сняла с мужа шапку-ушанку, другой надела картуз.

— Чтoб не напекло, — объяснила она, не глядя по сторонам.

— Мамаша, — обратился к ней инспектор, — может, выпьете с нами?

Старуха только махнула рукой — дескать, будет зря болтать.

— А мамаша у дядь Яши взамен дневального, — стал рассказывать, посмеиваясь, инспектор. Ему тоже стало жарко. Сняв на минуту фуражку, отер ладонью пот, потом снова надел. — Когда увидит катер, тут же по воду идет. Ведрами на всю Волгу гремит — знак дает: инспектор — берегись!

Смеялся и старик, и непонятно было, правда ли это.

Инспектор, изрядно захмелев, приставал с вопросами:

— Дядя Яша, а ты скажи честно: боишься меня?

— А чего тебя бояться?

— Я ж рыбадзор. Захочу — оштрафую, захочу — под суд отдам. Меня вся Волга боится.

— Все бояться, а я не боюсь.

— Верно, дядя Яша, ты не бойся. Никогда тебя не обижу. Только ты стерлядь не бей. Знаете, — он повер-

нулся к гостю, — донку, гады, пускают. С грузом. Тащат понизу, молодую стерлядь мордуют.

— Нет, у меня донки нет, — на всякий случай оправдывался Яков Иванович.

— А хочешь, и у тебя найду? Хочешь — сейчас, хочешь — на месте преступления? Думаешь, старуху с ведрами не проведу? Еще как проскользну, старая и не углядит.

Он стал хвастаться, как он обводит браконьеров. Те смотрят на реку со стороны города — оттуда появляется катер рыбного надзора. Браконьеры о каждом шаге инспектора друг другу сообщают. А он садится в дюралку — моторную дюралевую лодку, берет напарника, сам кофту женину надевает, косынку повязывает и катит вечером с песнями (он сделал ударение в середине — «с песн^ями») вниз по реке. Ночует на берегу, а утром настигает браконьеров в самый разгар их зловредного лова. Берет с рыбой, с незаконной снастью. Оттого все и боятся его.

— Всю ж Волгу, гады, перепортят, всю рыбу побьют. А ты, дядь Яш, не бойся меня.

— А я и не боюсь, — повторял Яков Иванович, внимательно слушая.

— Да много ли он портит! — повернувшись лицом к гостю, заступался за Якова Ивановича инспектор, стараясь выглядеть и суровым, и справедливым. — Немного для себя, немного для продажи.

Все-таки доброта инспектора подействовала. Задирая ноги, старик перелез через скамейку, пошел в дом, вернулся оттуда улыбающийся.

— Молодец, дядя Яша, — авторитетно похвалил инспектор.

Гостю это понравилось тоже. Он брал за руку Якова Ивановича и требовал ответа:

— Не скучно вам здесь двоим?

— А чего скучно?

— Ну, людей нет, свету нет...

— Люди есть — вот гости с самой Москвы жалуют. И свету сколько хочешь, — показал старик на солнце.

— А весной, говорите, заливает и выйти некуда. Так дома и сидите?

— Заливает, верно. Иногда проснемся — Волга дом качает. Как лодку.

— А чего ж радио не заведете: хоть бы музыку послушали, голос человеческий.

— Заводили. Приемник был. Без электричества, с батарейками. Старуха переживать стала. «Война», говорит, «убили», «бомба». Не хочу, говорит, слушать, шумно очень. Пропей говорит, Яша, приемник.

Старик замолк.

— Ну и как? — подтолкнул инспектор.

— Я что — пропил...

Инспектор захохотал, стукнув от удовольствия руками по столу.

...Уже минут двадцать неся катер по реке, а остров Маркиз был все виден. Стоящий на нем человек почти слился с домиком.

— Когда Волга была маленькой, до острова было рукой подать, — рассказывал инспектор ставшему задумчивым гостю. Тот стоял спиной к движению и все махал и махал рукой. — Тогда на весельной за пять минут добирались. Тогда браконьерам тут не было такого раздолья. Я вам, между прочим, этих нахалов тоже могу показать. Хотите? — спросил он гостя.

Тот не ответил.

— Желаете браконьеров посмотреть? Мы их живо к порядку приведем. По закону. Скоростенка у нас побольше, чем у них. Так желаете?

Гость не отвечал.

Наступило неловкое молчание. Инспектору стало отчего-то неприятно, словно бы он что не так сказал.

А гость все смотрел на воду. За катером вырастал широкий след, сужался вдали, и еще далеко-далеко, истончаясь, тянулась от него к острову зыбкая дорожка.

ЧИСТАЯ ИЗБА

На постой меня отвели к бабке Ермизиной. Старуха мне не понравилась. Щуплая, с бегающим треугольным бельмом, она без умолку говорила подозрительно сладким, доверчивым голосом. Делая вид, что спрашивает, все время стояла, налегая локтями на стол.

— Ты чей представитель-то будешь? — спросила

она меня, как только председатель колхоза оставил нас одних.

— Да ничей... Из газеты я.

— А то мне все представителей ставят. С району, с области. У меня изба самая чистая. Иван Петрович — знаешь? Партийный. С району? Ха-роший человек! Вот на той кровати спал. А Петра Ивановича? С области? Неужто не знаешь? Он, почитай, самый главный в исполкоме будет. Тоже спал у меня. Ха-роший человек!

Стало ясно, почему председатель отвел меня в самый мелкий на селе домишко. «Самая чистая хата», — сказал он мне. Теперь я знал, что он хитрил: бабка Ермизина ни о ком не говорила худо и ловко уплывала от вопросов. К ней можно было смело ставить любого «представителя», хоть следователя.

Я спросил о прежнем председателе. В Гаврилов-Яме, районном центре, мне говорили о нем, что он нечист на руку, сняли его за это. А старуха не моргнув, прямо глядя белым глазом, ответила:

— Ха-роший человек! Старый, а всю войну колхоз на себе тащил. Еще вот и детдом кормил.

И новый председатель оказался, конечно, «ха-рошим человеком». Старуха говорила не по-здешнему, не окала. За долгую дорогу на попутных машинах по самому краю Ярославской области я уже привык к местному говору.

— Да я ж не местная, — ответила на мой вопрос старуха и оживилась, найдя новую тему.

Скоро я узнал о ней все. Как в империалистическую к ним в деревню под Тулой приехали на побывку два солдата — старший брат с товарищем. После гражданской товарищ вернулся один — брат погиб, а уехали вдвоем — посватался к ней солдат Ермизин, так она тоже стала Ермизиной. Сначала ей было в новой избе непривычно: село торговое, богатое, каменные дома есть и церковь большая. А там, под Тулой, помещик был. Голодная деревня была.

Я ни разу в жизни не встречал человека, который видел помещика. Спросил у бабки про него.

— Ха-роший человек! — с чувством ответила она, точно так, как только что говорила про райисполкомовское и облисполкомовское начальство.

Стало смешно и скучно. Видно, у старухи действи-

тельно перебивала пропасть самых разных представителей. И каких только профессий! Они оставили о себе память плакатами, которыми бабка Ермизина украшала стены даже в сених. Багряно-красным светился призыв: «Берегите жилища от пожаров. Огонь — враг. Не забудьте застраховать свое имущество». Такой же грозный огонь пылал на соседнем плакате. Но там рядом с величаво спокойной женщиной, держащей развернутое одеяло и отважно глядящей прямо в пекло, стояла мужественная надпись: «Не бойся огня. Смело тушите его — водой, песком, любыми тяжелыми предметами». Видно, на сеннике у окна поочередно спали страховой агент и пожарный инспектор. Видел там цветные сны кто-то из деятелей культуры — повсюду пестрели «Верные друзья», «Стрекоза», «Чайки умирают в гавани» — рекламы кинофильмов. Что ж, у этих представителей, конечно, вполне могли быть дела в Осенева, но зачем заглянул сюда кто-то из работников ГАИ? В село, где не только трамваев, автобусов не было, а до ближайшей станции надо тащиться по жидко замешанным дорогам хороших сорок километров! Тем не менее на самом видном месте, под пасьянсом из фотографий, висело предостережение: «Не прыгайте на ходу» — и нарисован самый современный чешский трамвай с густо-синими стеклами.

Старуха поймала мой взгляд, заносчиво усмехнулась — она явно гордилась убранством. Потом сняла рамку с карточками и похвасталась, тыча кривым, точно обрубленным пальцем:

— Сынок мой, Юрочка.

Она заговорила слаще прежнего, а я усомнился: уж больно стара она для такого молодого сына. На фотографии лихо вытянулся исправный морячок, по всему видно — первогодок, в неумело, очень правильно надетой бескозырке.

— А это доченька моя — Валюша.

Девчонка и совсем годилась ей во внуки. Лет семнадцати.

Не хотелось подавать и виду, что я догадался про ее вранье. Чтобы перевести разговор, я спросил, показывая на видневшееся в окно недостроенное здание:

— Что это будет?

— Нешто не видишь — клуб. А ты б лучше спросил, что тут было раньше...

Старуха вздохнула глубоко, покачала задумчиво головой, прищурила глаза так, что остался виден только неровный треугольник бельма. И вдруг заговорила с еще большим старанием.

Поначалу я только досадовал, что дал новый повод. Оказывается, на месте будущего клуба стоял овин. Его спалили «бездомовцы» — так называли в Осенево ребят из детдома, — забрались туда днем, когда все были в поле, жгли спички и разбежались, когда занялось сено. Тогда была война, и все, кто остался в селе, отправившись на работу, даже старики. Издалека увидели ленивый дымок — жаркий был день, безветренный. Это счастье, что стояла тишь. Пока прибежали, уже несколько домов трещали жарким пламенем. Первым, до последнего бревнышка, сгорел самый ближний к овину дом Ермизиных.

— И так я тогда, милый, обрадовалась, что ребятки мои целы. Схватила их и давай плакать. Ей-богу, от радости. Наплевать на дом, дом можно еще раз построить... Да я ж тебе не сказала, откуда у меня, старой, такие малые ребята, — спохватилась она.

Оказывается, в первый год войны прикатил в Осенево грузовик. Ехал он медленно, стараясь не прыгать на колдобинах. Остановился как раз напротив правления, откинули борт.

— Глянула я в окно, аж сердце обмерло: дети, чисто кирпичи накладены.

Это были ленинградские ребята ясельного возраста. Видно, очень долго добирались они сюда из окруженного города, позеленелые, полумертвые, немые. Их по одному, осторожно вносили в дом три незнакомые женщины, помогала им Нюрка Дербенева, соседка.

Когда Ермизина пришла в правление, там повсюду уже сделали полати — низкие, чтобы ребята не ушиблись, если скатятся. Кроватей тогда не достать было. Обошла Ермизина весь дом, слезы пошли — до чего смирные ребята, даже голоса не подают. Очень уж, видать, пострадали.

— Дай ты мне которого-нибудь, Нюрка, поплотнее, — попросила Ермизина.

Взяла она самого худенького, у глаз морщинки стариковские, на руках кожа собрана.

— Да что ты, Васильевна, бери другого. Энтот помрет сегодня, — сказала Нюрка Дербенева,

Ермизина не стала менять, от нее была самая большая и самая маленькая комната. Она одна во всем доме осталась. Муж — на фронте, а сын еще в финскую погиб.

Нагрела Ермизина воды, выкупала мальчугана. Он проснулся, глазами водит, а молчит, мыть себя позволяет. А потом опять уснул.

— Почти до самого вечера так и спал поперек кровати. Я и уйти боюсь — вдруг проснется, и смотреть не могу — не разберу, дышит или нет. Все ухо прикладывала. А потом вдруг ручки поднял, улыбнулся. «Мамка, а паровоз ты мой нашла?» Кинулась я к нему — живой, говорить умеет и за мать меня признал. «Паровоз? — говорю. — Нашла, сыночек». А сама вру — никакого паровоза нет у меня. У меня, говорю, еще лучше паровоза есть. Давай-ка молочка попьем. Коровка для тебя дала.

Отпоила, выходила, на ноги поставила Ермизина Юрку.

А летом вдруг приехал военный. Незнакомый. Сначала в правление зашел, потом к Ермизиной. Юрку целует.

Ермизина обрадовалась и напугалась: «Вдруг мальчишку заберет?»

Он остался ночевать. Ермизина не спала, все смотрела на подвижный оранжевый огонек: то разгорался, то тускнел — это курил военный. Интересно, откуда он знал, что хозяйка не спит? Он вдруг среди ночи сказал:

— Утром за дочкой поеду. Что ей в детдоме оставаться? Возьмешь? А тебя вот Юра матерью называет. Забыл, наверное, мать-то.

Но Ермизина сказала:

— Ну куда мне двоих? Не успею — мне и в поле, и за ними смотреть.

Через день военный вернулся. Его увидел Юра, закричал, затопал:

— Папка с Валькой приехал!

Ермизина вышла на крыльцо, остановилась, не знала, что сказать. Отец, наверное, научил девочку, совсем маленькую, двухлетнюю, спустил ее на землю, она побежала вперед, протянула руки:

— Мапочка, мамочка...

И прыгнула на руки. Ермизина заперла дверь — что-

бы никто не видел. Повалилась на кровать. Одной рукой прижала мальчика, другой девочку и заплакала.

Не напрасно плакала. Много пережила с тех пор. Трудно было прокормить троих. Нет, не трое их было — больше. «Бездомовские» все время заходили — соседи, как их не поласкать? Усмотрят ли Нюрка Дербенева да те трое женщин за полсотней ребятишек! И не углядели, как ребята спички достали, пожар сделали. Были с ними и Юра с Валец — не брать же их в поле. И когда бежала она, безумная, к огню, не жалела ни дома, ни добра — были бы живы ребята. Она осталась без угла и чашки, без единой одежки, жила в чужом доме и думала: а все-таки дети целы, как бы Валя не захворала — в сенях холодных спит, как бы Юра на речку не ушел — и не глубокая, а долго ли малому утонуть?

Ребята подросли, давно привыкли к селу, к соседям. Когда кончилась война, первым вернулся муж. С ребятами был ласков, да неразговорчив. На второй день пошел к председателю просить лес — дом строить. Почему-то не стал ставить его таким, каким был раньше — высоким, вровень с улицей — как все дома богатого когда-то села. Изба получилась маленькой, низкой, убежала от улицы вглубь, — где раньше комната была, огород под окнами появился. Ермизина не печалилась: зато свой. Где хочу чугуны поставлю, когда хочу ребят уложу...

Рассказывая, Ермизина все так и стояла, упираясь локтями в стол, а жестикулируя, поднимала только кисти рук. Уже стемнело, старуха зажгла свет — загорелась жидкая электрическая лампочка, она лучилась в самые глаза. Изба как-то разом повеселела, зажглись плакаты на стенах — с трамваем и чайками в гавани, — в самом деле, с ними было светлее. Потом заговорило радио. Диктор был очень странный: говорил зычно, но с ошибками:

— И еще Пантелею Иванову зярно ехать сдавать. На леваторе прихватить Евдокию Коленцеву, за книжками в район поехала. И еще бабам с Пенькова в лес не ходить. Они там по ягоды, а тут ячмень сыпется. Увижу, все ягоды отберу. И еще Марии Коленцевой быть с утра...

Это говорило колхозное радио. Бригадиры давали наряд на завтра.